

Тубабу и ислам (Фестивальные заметки)

**О.Ю. Завьялова (Восточный факультет СПбГУ)
П.А. Куценков**

По данным опросов, большинство жителей юга Мали склонны ассоциировать себя в равной мере и с Республикой Мали, и со своей этнической группой (39 % в городах и 36 % в деревнях), или скорее с Республикой Мали (39 % и 33 %). Скорее со своей этнической группой, чем с Республикой Мали, себя ассоциируют только 5 % и 9 %, а исключительно со своей этнической группой – 9 % и 14 %¹. В этой статистике обращает на себя внимание небольшой разрыв между жителями деревень и городов (подавляющее большинство жителей малийских городов – недавние выходцы из деревень). Таким образом, в Мали очень высока доля людей, ассоциирующих себя с современным государством, но не в ущерб своему этносу. Иными словами, в случае с Мали можно говорить не о вертикальной иерархии лояльностей, но о двойной (горизонтальной) лояльности: «свой» этнос и/или джаму (клан) Республика Мали.

При этом интересно отметить, что в соседней Гвинее, судя по опросам, точнее опираясь на простой тест «Кто ты?» (когда человека просят три раза ответить на данный вопрос), большинство манинка первым называли джаму, далее, как правило, профессию или имя, после назывался этнос (манинка), и только потом говорилось «я – гвинеец»². Таким образом,

сейчас национальность для гвинейцев не является столь важным в самоидентификации, как это было 20 лет назад, когда люди гордились тем, что они гвинейцы. Сегодняшняя ситуация скорее указывает на отсутствие единой нации. Связующими же факторами являются общности по джаму и ислам. Джаму все еще является основным идентификатором для гвинейцев, хотя все больше воспринимаются как фамилии, теряя свой статус, что особенно заметно в городах.

Тот тип общества, что мог сформировать именно этот тип лояльности, судя по данным археологии, был характерен для народов, населяющих Мали и Гвинею, ещё в глубокой древности. Есть основания полагать, что традиции мирного сосуществования разных этносов в рамках единого хозяйственно-культурного организма (пробраза будущей малийской нации), были заложены в ещё в III в. до н.э., когда был основан г. Дженне-джено. Его история во многом воспроизводит путь возникших в долинах рек ранних цивилизаций. Но есть и различия: «горизонтальная» социальная структура города отличалась от «пирамидальной», характерной для большинства цивилизаций ранней и зрелой Древности – правящей элиты и «податного сословия», состоявшего из множества групп полузависимого и/или зависимого населения. Об этом говорит характер планировки города. Как отметил первый исследователь Дженне-джено Родерик Макинтош, наиболее примечательная его черта – очень высокая плотность населения в радиусе 4 км от города (50 км²). На этой территории насчитывается 69 холмов, скрывающих древние поселения³.

Такие «агломерации» совершенно не характерны для городов классической древности: те были окружены сравни-

тельно малолюдной сельской периферией (Месопотамия, Египет), снабжавшей город продукцией сельского хозяйства. Суть этого явления состоит в том, что иноплеменники селились не в самом городе, но поблизости от него, образуя специализированные этно-профессиональные поселения, которые, вероятно, и стали прообразом будущих малийских «каст». Отметим, кстати, что малийский социальный институт имеет мало общего с классическими индийскими кастами, и скорее должен называться «специализированными социально-профессиональными (или этно-профессиональными) группами». Они занимали строго определённые ниши в хозяйстве Дженне-джено и делали самодостаточной экономику этого хозяйственно-культурного организма как целого. Это также находит аналогию в современной Республике Мали, поскольку большинство сельских поселений способны обеспечить себя всем необходимым⁴. Именно эта, сформировавшаяся в древности система, в наши дни продолжает расширяться на территории и этнические группы, которые ранее не были ею охвачены.

Каждый год в конце января в Бамако проводятся фестивали культуры догонов Огобанья. В 1916 г. в нём приняли участие только несколько догонских деревень; концерты на фестивале пользовались большой популярностью среди жителей Бамако, но ничего особенного там не происходило. Но уже в 2017 г. фестиваль вышел далеко за пределы собственно догонского мероприятия: в его анонсе среди старых партнёров по шуточному родству (бозо, малинке, сонгаев, бамбара и фульбе) в качестве «кузенов» догонов были упомянуты туареги (тамашек) и мавры (арабы) – те этносы, что оказались вовлечены в войну на северо-востоке страны. Ранее они в числе

сананку догонов никогда не упоминались. Наконец, в январе 2018 г. фестиваль Огобанья-III превратился в настоящий праздник шуточного родства: на фестивальной ярмарке работали бутики всех «братских» народов, а на вечерних концертах выступали их исполнители. На этих концертах шуточное родство всячески подчёркивалось и обыгрывалось – надо заметить, весьма остроумно. Каждый концерт начинался с шуточных поношений бозо (догоны дразнят их своими «рабами», на что бозо отвечают констатацией непроходимой тупости догонов). На одном из ночных концертов конференсье устроил шуточный розыгрыш футболки с символикой фестиваля: её должен был получить самый «догонский» догон. Он просил каждого подявшего на сцену громко и отчётливо сказать французское слово «fait» (догоны произносят нечто среднее между «f» и «p»). Наконец, на сцену вышел молодой человек весьма интеллектуального вида, который на вопрос, догон ли он, ответил на безукоризненном французском, что он больше, чем просто догон: «Я ваш старший брат-малинке». Футболка ему не досталась, но все присутствовавшие на концерте (включая и автора), были в совершеннейшем восторге. Тут, кстати, уместно будет упомянуть, что автор тоже оказался вовлечён во взаимные глумления по сананкуйа, в результате чего получил почётное звание «белого догона» («tubabu dogonon» – яз. *ба-мана*).

Такие шутки, взаимные розыгрыши и приставания создавали на фестивали атмосферу безудержного веселья и полной бесконфликтности. Но за весельем этим прослеживаются очень серьёзные явления и процессы, которые самое непосредственное отношение имеют к национальной, этнической и конфессиональной идентичности малийцев.

Территория Республики Мали была французской колонией недолго: окончательно она была подчинена Франции в конце XIX в., а уже в 1960 г. страна стала независимой. Сейчас наследием Франции в Мали остаётся близкая к бывшей метрополии политическая система, французский язык, который по мере удаления от Бамако приобретает всё более причудливое звучание, багет (очень вкусный) и зелёный салат. К этому следует также добавить абсолютное преобладание французских товаров и нескрываемое раздражение малийцев по поводу того, что им удаётся совмещать очень низкое качество с весьма высокой ценой. Есть и другие причины для недовольства: так, малийское сельское хозяйство снабжается гибридными семенами из Франции – они дают высокий урожай, но бесплодны. Это приводит к необходимости постоянного кредитования. Французы оставили о себе, в общем, недобрую память – малийцы их недолюбливают и не уважают. Говорят, что «они всё сломали и ничего не построили». Во время поездок автора в Мали напряжённые ситуации возникали только дважды, и обе были связаны с тем, что его принимали за француза.

В Гвинее стереотип «европейца-француза» включает в себя следующие характеристики: «надменные, неразговорчивые, эксплуататоры, провокаторы, злые», но «умные, активные, любознательные». Европейцев (ассоциирующихся с французами) не любят⁵. При этом до распада СССР к русским было исключительно хорошее отношение, как и к китайцам еще пару лет назад. Сегодня же русских практически не знают, отношение к китайцам также несколько поменялось, так как появилось понимание того, что китайцы действуют в первую очередь для собственной выгоды и не считают гвинейцев

«своими». К тому же во всей Африке прослеживается тенденция отторжения ценностей европейской цивилизации, как и остальных неафриканских стран.

«Страна догонов», расположенная в регионе Мопти в округах Мопти, Дженне, Бандиагара, Банкасс, Дуэнца и Коро, представляет собой типичную территорию юга Мали, к которой полностью применимы те данные социологических опросов, с которых началась эта статья. Вопреки распространённому мнению, она никогда не была изолятом (более или менее обособленное существование ведут только жители очень удалённых от дорог деревень). Но и во времена французской колонизации, и позже, уже при независимости, там действительно было мало европейцев.

Положение резко изменилось после либерализации экономической политики Мали в начале 90-х гг. Национальные и европейские туристические агентства немедленно ею воспользовались. Уже в 2001 г. в Стране догонов (преимущественно на Нагорье Бандиагара) работали 47 гостиниц и кемпингов⁶; если до 1990 г. в Мали приезжало примерно 40 тыс. туристов в год, то к 2005 г. их было уже около 200 тыс., причём, большинство отправлялось в путешествие по «Золотому кольцу» Республики Мали: Дженне – Тимбукту – Страна догонов⁷.

После начала туристического бума догоны столкнулись с противоречивой задачей: сохранением баланса между туризмом, неприкосновенностью своей культуры и необходимостью экономической модернизации, от которой, без увеличения, зависит само выживание этого народа. Последняя проблема, во многом, решалась как раз за счёт тех доходов,

которые давал туризм⁸. Но в 2012 г. положение вновь резко изменилось: после начала войны на северо-востоке Мали, приток туристов в страну пресёкся, и процветавшая туристическая отрасль экономики Мали в одночасье была практически полностью уничтожена. Как мы увидим чуть позже, ударила война не только по экономике.

С туристическим бумом совпала смена конфессиональных предпочтений догонов. Они стойко сопротивлялись проникновению ислама вплоть до 60-х-70-х гг. прошлого века. Тогда число мусульман в догонских деревнях начало расти. Но особенно активно догоны начали принимать новую религию именно во время «туристического бума». Создаётся впечатление, что одной из причин резкого роста числа приверженцев ислама было отторжение европейской культуры, с которой догоны имели возможность близко познакомиться благодаря наплыву туристов. Это следует понимать в том смысле, что население Нагорья Бандиагара и прилегающих равнин охотно пользуется благами европейской цивилизации в виде мобильной связи и солнечных панелей, но остаётся невосприимчивым к европейскому типу социальных отношений – к примеру, преуспевающий предприниматель-догон вкладывает средства не столько в расширение своего дела, сколько в свою родную деревню и обязательно помогает своим родственникам и свойственникам. Такое поведение остаётся непонятным европейскому наблюдателю (может быть, несколько пояснить картину может то обстоятельство, что, в случае каких-либо трудностей, этому человеку будут помогать все его родственники и свойственники). Другими важными факторами, которые способствовали быстрому переходу догонов в ислам, было

то, что многие нормы шариата не противоречат традиционным обычаям: в Стране догонов всегда практиковались полигамия и обрезание, а в семье женские и мужские обязанности чётко разделены. То, что именно желание не быть похожими на тубабу сыграло тогда важную роль, подтверждается малым числом христиан среди догонов (не более 12 %).

По свидетельству очевидцев, в первое время догоны с восторгом воспринимали новую веру⁹. Правда, триумфального шествия ислама по Стране догонов не получилось: многие деревни упорно хранили верность старой традиционной религии, да и в мусульманских деревнях, судя по следам жертвоприношений на многих вполне современных скульптурах, продолжали сохраняться традиционные религиозные практики, – они никогда не прерывалась, но, по понятным причинам, и не афишировалась. Однако не было заметно никаких признаков межрелигиозных конфликтов.

Приехав в Мали в ноябре 2017 г., П.А. Куценков нашёл там множество перемен. Деревни догонов на первый взгляд выглядели по-прежнему безмятежно. Но их обитатели вдруг «вспомнили», что, согласно историческому преданию, догоны в своё время переселились на труднодоступное нагорье именно из-за нежелания принимать ислам – раньше об этом упоминали лишь вскользь. Никаких открытых конфликтов по-прежнему не было, но многие уже не скрывали, что продолжают приносить жертвы «фетишам». Обнаружилось также, что языческое Общество масок выходит из подполья, а каждый из его членов имеет молодого ученика (причём, существует конкурс на каждое место). Апофеозом этих перемен стала обвалившаяся после сезона дождей мечеть в старейшем квар-

тале д. Кани-Бонзон и нарочито ухоженный алтарь традиционного бога-творца Ама, находящийся по соседству. Во время фестиваля Огобанья-III в январе 2018 г. открыто говорилось о том, что «ислам разрушает наши традиции». Кстати, конференсье не особенно стеснялись и в выражениях относительно тубабу (тем более, что делалось это только на *бамана*). В довершение ко всему, в Энде за несколько лет вокруг ислама успел развиться не всегда заметный для постороннего конфликт «отцов и детей».

Сейчас главной оппозицией исламу выступает поколение, родившееся в начале 80-х гг. прошлого века. Именно их отцы были неопитами и самыми горячими приверженцами новой веры. Но деды остались к ней равнодушны. В результате, поколение сорокалетних догонов находится в лёгкой оппозиции к отцам, но в союзе со своими дедами. Это очень колоритные люди: они проводят время в тени традиционных беседок-тогуна, и к вечеру нередко бывают не очень трезвы. Именно они являются знатоками и хранителями догонских традиций, и считают своим долгом посвятить внуков во все их таинства. В общем, как заметил имам мечети квартала Огоденгу в Энде, «наше поколение было первыми мусульманами в деревне, и оно же будет последним»¹⁰.

Впрочем, о том, что дело обстоит именно так, и позиции ислама в Мали не так уж и прочны не только у догонов, можно было догадаться и раньше. Так, поговорка бамбара гласит: «Gabugu ka kòrò misiri ye» («Кухня старше мечети» – *яз. бамана*), что иной раз дополняется весьма недвусмысленным замечанием: «Lesogo ka haram, nk'a ka di kosεbe» («Свинина «харам», но она очень вкусная» – *яз. бамана*). Дошло уже до того, что в

цитадели малийского ислама, г. Дженне, один местный житель признался, что после начала войны на северо-востоке страны малийские мусульмане испытывают своего рода комплекс вины (хотя они-то не имеют никакого отношения к этому бедствию).

Тем не менее, каждая из сторон наметившегося конфликта больше всего опасается именно того, что он перейдёт в открытую форму. Но медленно, шаг за шагом, приверженцы традиционной религии начинают теснить мусульман. Нередко это происходит в рамках отношений шуточного родства: по рассказу вождя языческой по преимуществу д. Семари Буреима Гандеба, во время Рамадана 2017 г. всё взрослое население деревни с утра принималось употреблять традиционные спиртные напитки, и гостеприимно приглашало многочисленных деревенских мусульман принять участие в этом захватывающе интересном занятии¹¹. Тут уместно будет упомянуть о том, что именно взаимное вышучивание и не даёт конфессиональному конфликту перейти в открытую форму, причём, шутки могут иметь весьма рискованный характер. Так, ещё в марте 2015 г. автор был свидетелем диалога между догоном-христианином и мусульманином-бамбара, происходившим под аккомпанемент призыва муэдзина на вечернюю молитву. Первый попросил объяснить ему, принимают ли в мусульмане исключительно идиотов, или же идиотизм является необходимым приложением к исламу? На просьбу пояснить, что именно имеется в виду, христианин ответил, что ислам остаётся единственной религией, где верующим необходимо пять раз в день упоминать о необходимости молиться. Излишне объяснять, что последовало бы за такой шуткой в большинстве мусульманских регионов – но в Мали

эта непристойная, иезуитская и во всех отношениях соблазнительная тирада была встречена дружным хохотом всех присутствовавших притом мусульман.

Не вызывает ни малейших сомнений, что много способствовали падению престижа ислама события 2012 г.: война на северо-востоке Мали сопровождалась эксцессами, которые произвели тягостное впечатление на всех малийцев, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Разрушение гробницы Сиди Амара, а также порча и уничтожение мусульманских(!) рукописей в Тимбукту, жестокость, которой сопровождалось насаждение «правильного» ислама с последующим перерождением джихада в откровенный бандитизм, не могли никому понравиться в стране, где межэтнический и межконфессиональный мир является своего рода национальной идеей.

Как заметил Сулейман Гиндо из квартала Огоденгу в д. Энде, «мы ничего не имеем против ислама как такового – вот только саудовский ислам нам не нравится». Но дело-то в том, что сейчас в сознании малийцев образовалась устойчивая связка «исламский фундаментализм (т.е. саудовский по преимуществу) – насилие». В январе 2018 г. П.А. Куценков прямо спросил одного человека, очень уважаемого и в своей, и в соседних деревнях, не происходит ли сейчас в Стране догонов «тихая антиисламская революция», на что получил недвусмысленно утвердительный ответ.

И дело тут не только в войне. Не вызывает сомнения, что она поспособствовала падению престижа ислама. Но та лёгкость, с которой догоны возвращаются к традиционной религии, заставляет искать причины такой конфессиональной непоследовательности гораздо глубже – не следует забывать, что массовое обращение догонов к религии пророка, возможно, было обусловлено желанием «не быть, как тубабу»; «выход» же из ислама несомненно связан с желанием «не быть, как джихадисты». Это говорит о том, что предпочтение той или иной религии было обусловлено сугубо внешними факторами, т.е. желанием «не быть такими, как «они»».

Конечно, во многом возврат к традиционной религии связан с тем, что у догонов ислам не успел стать частью «своей» традиции, как у народа малинке на западе Мали и в соседней Гвинее, или в древних мусульманских городах Дженне, Тимбукту и Гао. Однако наблюдения на фестивалях Огобанья позволяют утверждать, что основная причина здесь – рост национального и/или этнического самосознания. В Мали одно не противоречит другому – доказательством этому служат данные социологических опросов, приведённые в начале статьи. Конечно, война на северо-востоке немало способствовала росту малийского патриотизма; но, если бы и до её начала его уровень не был бы достаточно высок, страна просто рассыпалась бы под ударами джихадистов. Наконец, следует отметить, что у догонов возврат к традиционной религии, возможно, является признаком смены парадигмы самоидентификации: если раньше они подчёркивали, что «не такие, как они», то теперь, возрождая свои традиции и демонстрируя их на ежегодных фестивалях, они утверждают: «Смотрите: мы такие, какие мы есть, им мы этим гордимся».

Однако такое положение вовсе не является общим для всех стран Западной Африки, – так, в соседней Гвинее ситуация несколько иная. Там ислам занял прочные позиции и теперь даже в деревнях не принято вспоминать свои верования в духов, места поклонения забыты, а среди традиционных домов выросли многочисленные мечети. Мусульманином быть «прилично». Даже охотники, наиболее традиционная группа среди манинка, стали забывать свои традиции. Только в деревнях таких, как Баланинборо, отдаленных от основных путей, и где еще не проведено электричество процветают фетишеры, но даже они считают себя мусульманами. Однако об истинном отношении к исламу говорит бытующий среди молодежи (и не только) стереотип араба, который согласно опросам, включает в себя следующие качества: «смелые умные, гордые», но «воинственные, террористы, расисты, лживые, жадные». В целом, это отрицательный стереотип, который указывает на постоянное ожидание насилия со стороны арабов, которые полностью ассоциируются именно с исламом.

Литература

Завьялова О.Ю., Казимиров В.Е. Межэтнические отношения и этностереотипы манинка Гвиней (по опросам студентов университета города Канкан) // Антропология и лингвистика: материалы петербургских экспедиций в Африку. СПб., 2014. С. 6-20.

Куценков П.А. (1). Некоторые особенности политической культуры Мали // Культура и политика: проблемы взаимосвязи. Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 3 / Отв. ред. выпуска: Ю.В. Любимов. Сост. С.В. Прожогина. – Москва: ИВ РАН, 2017. – С. 275-286.

Куценков П.А. (2). История г. Дженне (Мали) и традиционная политическая культура // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность '2017, № 6. С. 76-87.

Моксон М. Мали: Страна догонов / перевод и комментарий А.С. Шаровой // История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов / отв. ред. Т.М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: Филигрань, 2016. – С. 129-140.

Coulibaly M., Hatløy A. Religious issues and ethnicity in Southern Mali // Fafo-report. – 2015, № 13. – 38 p.

Gaugue A. Du savoir ethnologique au produit touristique // Géographie et cultures [En ligne], 70 | 2009, mis en ligne le 14 mai 2013, consulté le 22 avril 2016. URL : <http://gc.revues.org/2333>

Guindo B. Patrimoine culturel, développement et durabilité du tourisme au Pays Dogon. Cas de la commune rurale de Kani-Bonzon au Mali. Mémoire de DEA. – Bamako : Université de Bamako, Institut Supérieur de Formation et de Recherche Appliquée (ISFRA). Année académique : 2012-2013. – 87 p.

McIntosh R.J. The Origin of Djenne from Archaeological Evidence // Djenne. An Introduction to the Millennial City / J. Brunet-Jailly (ed.). Bamako: Editions Donniya, 2009. P. 12-20.

Walther O., Renaud., Kissling J. Heaven on Earth? The development of tourism in the Dogon Country and the Hombori Mountains (Mali) // Artículo – revue de sciences humaines [En ligne], 4 | 2008, mis en ligne le: 04 octobre 2008, URL : <http://articulo.revues.org/index417.html>.

Примечания:

¹ Coulibaly, Hatløy, 2015 p. 12.

² Опросы производились, в 2014 году, в основном за пределами столицы Гвинеи Конакри.

³ McIntosh, 2009, p. 17.

⁴ Подробно о политической культуре Мали и об истории г. Дженне см. Куценков (1), 2017; Куценков (2), 2017.

⁵ Опросы были проведены нами в Гвинее 2014 г.

⁶ Gaugue, 2013, p. 6.

⁷ Walther and others, 2008, p. 2.

⁸ В хорошо знакомой автору д. Энде (сельская коммуна Кани-Бонзон, округ Банкасс, регион Мопти) полученные доходы были вложены в оросительную систему. Теперь в Энде фрукты и овощи доступны круглый год.

⁹ Моксон, 2016, с. 138.

¹⁰ Guindo, 2013, p. 66.

¹¹ В 2012 г. эта деревня самостоятельно отбилась от исламистов (при этом погиб сын вождя), причём, местные мусульмане сражались вместе со своими соседями-язычниками.